

ЗДЕСЬ ТАНЦУЮТ

Экран и сцена -
1997. - 6 -
13 марта -
96,

Ю

билей художественного руководителя своей балетной труппы Музыкальный театр имени Станиславского и Неми-

ровича-Данченко отмечал по высшему разряду. Зрительный зал заполнили театральная Москва и столичное чиновничество. Сам

пятидесятилетний Дмитрий Александрович Брянецев восседал за особым столиком прямо в зале.

Произносились слова, пелись песни, исполнялись танцы. Слова, как это и полагается на юбилеях, звучали возвышенно, фразы произносились только в превосходных степенях, а танцы и песни, чуть заметно отторгая патетику, легкими штришками вносили в происходящее и юмор, и иронию, и просто милое доброжелательство.

В день юбилея Брянецев показал свою новую постановку "Суламифь" (музыка молодого композитора В.Бесединой).

Феномен Брянецев – явление типично московское. Не столько столичное, сколько рожденное из исконных традиций матушки-первопрестольной. И как бы ни любил сам хореограф "родину предков" – чинный, сейчас уже несколько провинциально гордящийся собственной изысканностью и европеизмом Петербург, искусство хореографа для Москвы. Из неведомого сора растут цветы, не всякая стыда, порой заставляя поморщиться воспитанных в петербургской манере старушек. Брянецеву приемлемо все – сор собирается в совки отовсюду, идешь, например, в цирк, смотришь пластические репризы и чувствуешь, как напоминают они тебе, воспитанной балетной сценой, что-то давно знакомое. Гротесковая группа, состоящая из папеныки Элизы Дулитл и его веселых дружков знаменитой "Галатеи", кажется ближайшей родственницей цирковых клоунад. Массовые пластические композиции напоминают об элементах спортивной гимнастики. А когда на сцене возникают эпизоды лирические, в дуэтах проглядывает влияние балета на льду. Но главное для Брянцева – это классический тренаж и традиции классического танца. Именно его

Играй, дитя, не знай печали

фундамент хореограф освежает бытовым движением, изобразительными штрихами, ломает линии классики и создает особую стилистику танца.

Брянецев – выдумщик, человек увлекающийся. Найдя какой-то интересный ему прием, хореографическую комбинацию, он сосредотачивается на них и начинает азартно разрабатывать дальше. Порой забывается, для чего, во имя чего он задумывал целый спектакль, постановка превращается в серию интереснейших равнозначных миниатюр. Кто знает, быть может, именно поэтому миниатюра и стала коньком хореографа, а сам он несправедливым ее творцом. Но причины взаимоотношений постановщика с большой формой кроются, наверное, не только в этом. Брянецев одинаково интересно все, что возникает в пластическом тексте его спектаклей. Порой они кажутся развернутыми монологами, диалогами, прослоенными хореографическими вставками. Брянецев – из художников-исповедников. Его постановки всегда обезоруживающе открыты и обнажены искренни. По сути дела всю жизнь, будь это миниатюра или многоактный балет, хореограф ставит монолог, спектакль – о себе, о том, что его сейчас волнует, о чем он думает, как чувствует мир.

Так среди ярких, порой грубовато-крикливых красок палитры балетмейстера изпод густых масляных мазков вдруг пробилась свет – крохотный пастельный росточек – в постановках хореографа сначала робко, потом набирая силу зазвучала в полный голос лирическая тема. Монолог-исповедь за маской удалых тусовок, цирковых коллизий вдруг высветлил почти детскую, томящуюся по любви, душу. Она не обрела реальной плоти, эта тема, оставшись мечтой романтика о возвышенном идеале и собственном самоуглубленном жизнетворчестве, но воплотилась в сегодняшних темпах и ритмах. Романтик "озерной школы" оказался нашим современником. И сразу стало ясно, откуда эта детская улыбка на лице юбиляра. "Дитя", не забывавшись от волшебства театра в жизни, входило в мир сценических иллюзий и безраздельно сливалось с ним. Легким флером сентиментальности окрашивались победительные ноты брянецевского облика, рассказы о его увлечении шашлыками, его ковбойские штаны и повелительно-суровые интонации голоса. Театрализация жизни – считали лучшие художники знаменитого серебряного века – необходимое условие творчества. Игра – на сцене, в жизни, с самим собой с полной верой в предлагаемые обстоятельства преобразует обыденное существование. Это и есть то, что рождает искусство. Пятидесятилетний юбилей Дмитрия Брянцева был напоен театрализацией жизни. Мы видели счастливого, юного душой главу труппы – детски увлеченной, живой, профессиональной. И становились соавторами этого милого, чуть смешного спектакля. Был театр – было искусство, которое, как известно, неподвластно возрасту.

Наталья ЧЕРНОВА